

СИБИРСКИЕ ОГНИ

*Козлова В. 151
Рубцовск. С. 145 15*

7

ИЮЛЬ

1959

ГОРОДА ЮНОЙ СИБИРИ

В. Козлова

РУБЦОВСК

Степь... Кто сказал, что она скучна, увяла? Вспомни, дорогой читатель, хотя бы неповторимый час пробуждения степи. На востоке бледная полоса зари едва трогает край черного неба, слегка притушив факелы звезд. Степь еще окутана сумраком. Глубокая тишина объемлет бесконечный простор. Кажется, если ляжешь на траву, то почувствуешь, как вздымается и опускается в широком дыхании прохладная грудь земли... А зarya разгорается с каждой секундой все смелее, все ярче. Вот она уже отхватила у ночи огромную краюшку неба. И вдруг у вас на глазах вспыхивает ослепительным пламенем одинокое дерево на пригорке. Прозвительно-лиловое снизу, оно все светлей и светлей к вершине. И самая макушка его растворяется в бездонном розовом мареве, разлившемся по небу.

Но это пышество красок еще не коснулось степи. Она погружена в сумрак. Именно в этот момент можно почувствовать, как выпрямляют свои упругие стебли степные травы, как раскрывают неяркие венчики-глазки степные цветы.

Степь пробуждается. Чу... где-то шархнулся в травах вспугнутый зарею зверек. Вскрикнула спрoсoнья какая-то птица. Слабый ветерок донес откуда-то легкий звон, неуловимый, как туман. Он коснулся слуха и растаял. Это зазвенело лягушачьей песней далекое пересыхающее озерцо.

С каждой секундой все больше и больше звуков наводняет степь. Она наполняется шелестом трав, стрекотом кузнечиков, птичьим пересвистом — мириадами звуков, которые, сливаясь, образуют чудесную симфонию степного утра.

Вот уже чистейший голубой шатер простерся над огромным ковром степи. Ковер этот расшит, в основном, неярким голубовато-сизым шелком. А вон на том далеком поле точно застыли розо-

вые отсветы зари. Это сизые степные ковылы уступили место своим собратьям — ковылям красным. Местами степной ковер зеленеет, местами расцветает желтыми, сиреневыми, синими узорами цветов. Это пышное степное разнотравье оттеснило воинственные полчища ковылей.

Куда ни кинешь взгляд, всюду безбрежное травяное море. Можно идти по нему и час, и два, и день, и два. И когда бы ни поднял голову, висит высоко в небе крохотный серый комочек — жаворонок. Тонкая трепетная песня его будет сопровождать тебя во время всего пути. А может случиться, что вдруг забредешь на заросшее осокой небольшое озерцо и на недвижном голубом зеркале его вдруг увидишь пару величественных белых лебедей. И снова — шелковое море ковылей.

Но что это? Вдали над землей вырастает невысокое серое облако. На первый взгляд кажется, что оно неподвижно. Но нет — облако медленно плывет над степью, приближается сюда. Да это же пыль, и... овечье стадо. В самом деле, большой кусок ковыльного ковра превращается в серое шерстяное одеяло. Вздохи, блеяние, частый топот ног заглушают все другие звуки. Важно, неторопливо проходят красавцы мериносы. Тяжелые головы их с двойными завитками рогов опущены к траве, нервно шевелятся подвижные ноздри. Это и есть знаменитые тонкорунные мериносы, сочетающие в себе качества шерстяной и мясной породы. Крупные бараны достигают 130 кг веса и дают до 20 кг шерсти в год. Это ли не богатство степи!

Стадо проходит, и снова касается слуха песня жаворонка из небесной глубины. И снова стрекочет, шелестит, шевелится, дышит степь. Вот дорогу пересекает неторопливый узкий ручей в прямых берегах. Это повстречался оро-

сительный канал. Если пойти по течению ручья, он выведет на огромные плантации сахарной свеклы. А за ними уверенно встают невысокие коренастые яблоньки. Дальше поднимаются белокаменные стены домов, шумят улицы большого города.

Да, есть в этой степи города, есть и большие села.

...Может быть, ты думаешь, дорогой читатель, что мы привели тебя в степи Ставрополя или, может быть, Придонья? Или попал ты на юг Украины? Не правда ли, та же степь? Но присмотришься, вон там протекает речка, но не нарядный молодой дубнячок, не светлый орешник, а ивняк да камыш обступили ее берега. А если ты перенесешься за десяток километров, то увидишь нескончаемую пшеничную ниву. Пройдешь двадцать, тридцать, пятьдесят километров — и по-прежнему будешь перед глазами нежно-зеленые нехоженые всходы. А если бы тебе удалось измерить их площадь, то получилась бы невиданная цифра: семь с половиной миллионов гектаров. Где, в каком Ставрополе, увидишь ты такое чудо?

Но довольно говорить загадками. Откроем тайну: мы с тобой, дорогой читатель, в степях Алтая. Сюда дотянулся край знаменитой Сибирской Кулунды. Она простирается почти до Алтайских предгорий.

Но как похожи Алтайские и Ставропольские степи, — все же в удивлении подумаешь ты, читатель. Да, это так. И русские земледельцы давно поняли это. На протяжении всего прошлого столетия по волжским деревням из уст в уста передавались рассказы о «вольных» землях на юге Сибири, землях, у которых не было хозяев, приходи — и сей. О плодородии этих земель рассказывались и были, и небывали... А из недр алтайских царя добывали и медь, и свинец, и золото. Значит, было здесь дело и рабочему человеку. И не случайно 70 процентов всех переселенцев из Центральной России осело на Алтае.

Здесь, дорогой читатель, мы хотим рассказать тебе небольшую историю, связанную как раз с этим уголком степи, куда привел нас оросительный канал.

Семьдесят пять лет назад здесь можно было видеть, как усталые лошадайки тянули несколько запыленных подвод с немудрящим крестьянским скарбом. На подводах сидели женщины и ребяташки. Мужики шагали рядом. По загорелым, обожженным лицам людей, по иссеченным ветром бородам видно было, что люди эти издалека. Впереди всех шел большой, чернородый, черноглазый мужик. Это его, человека сильного и умного, послали ходоком на Алтай крестьяне небольшой деревеньки на Саратовщине. В последний момент к Михаилу Рубцову — так звали крестьян-

янского ходока — присоединилось еще несколько семей из тех, кто мерил от безземелия, от засух, от голода. «Потеряем полушку, авось, рубль найдем». — так рассуждали спутники Рубцова. Они шли за лучшей долей для себя и для своих односельчан.

✓ Долгим и трудным был путь переселенцев. И не раз они с надеждой поглядывали на широкую спину вожака: не пора ли остановиться. А он все шел и шел вперед, к югу. И с каждым днем становились ласковее степные ветры, ярче дни, черней и теплей почва.

Наконец, остановился Михаил Рубцов, огляделся. Вокруг широкая ковыльная степь, невдалеке речка. Хорошо! Набрал полные легкие воздуха — точно глотнул душистых трав. Поднял бороду вверх — в глаза глянуло небо, бездонное, близкое, синее-синее. Задумался Михаил Рубцов, потом достал из-за пояса топорик, вонзил в землю, выворотил кусок дерна. Среди белых корней трав извивался очумевший от страха длинный розовый червяк. Копнул еще раз, обушком топора разбил влажный ком земли — рассыпался ком на мелкие жирные комочки. Хороша земля!

Здесь и порешили обосноваться. Но степь не была необитаемой пустошью. По излучинам реки были разбросаны редкие села. Местные кулаки из более ранних переселенцев считали себя хозяевами степи. Чтобы получить «приемный приговор» и быть причисленным к деревне, переселенец должен был годами батрачить на кулаков-старожилов. Четыре года добывался «приговора» Михаил Рубцов, да так и не добился. В 1888 году соорудил он из дерна и хвороста землянку на берегу Алея, между селами Оловешниковым и Половинкиным. Вскоре встретил непрошенных гостей — сельских богатеев с колыями да вилами. Избили Рубцова, выгнали ему ноздри, растоптали его землянку — ушли... Но волжанин оказался упрямым. Залечил травмами свои раны и построил новую избушку. Рядом стали строиться и товарищи.

Кулаки не отступились. Да только обозленный Рубцов стал обороняться так ловко, с такой страшной силой крутил он вокруг себя длинной лесиной, что не посмели враги схватиться с волгарем. Кто-то пустил слух, что приходец умеет колдовать, что обчертил он вокруг землянок «незримый круг», который никто переступить не может. И от чужаков отступились.

Постепенно возле землянок росли еще домишки. Это подтягивались к Михаилу земляки с Волги. Прибывались и переселенцы из других мест. Так появилась на притоке Оби реке Алее Рубцова заимка.

Ныне заимка превратилась в большой промышленный город. Его история коротка — ведь возраст города по времени укладывается в одну человеческую

Старый Рубцовск.

Фото В. Мартынова.

жизнь. Поэтому многие, очень многие здесь помнят мужика с Саратовщины, заложившего первый камень поселения. Кстати, и прожил Михаил Рубцов долго. Он умер в 1941 году в возрасте 101 года.

У Рубцовска нет еще писаной истории, ее хранит людская память. Сотни людей могут рассказать сегодня, как деревушка выросла в село, как в 1915 году прогремел мимо села первый поезд. Появились станционные постройки, потом депо. Стал расти в Рубцовке рабочий класс. Это были, главным образом, железнодорожники. Промышленности здесь почти не было. Единственным предприятием к началу двадцатого века в селе была мельница купца Белоголова.

Дух непокорства, дух вольнолюбия отличал Рубцовку буквально с первого дня ее рождения. И не удивительно, что здесь быстрее, чем в соседних селах, осуществили первые декреты Советской власти. А когда занялись огнем гражданской войны Алтайские степи, Рубцовка стала одним из опорных пунктов красных партизан. Здесь шло формирование партизанских отрядов. Именно в Рубцовке работала при колчаковцах подпольная организация, которую врагам не удалось раскрыть и уничтожить. Организация состояла из рабочих депо.

Сурова была присяга, принятая ими. «В случае, если кто-либо из нас попадет в руки врага, ни при каких пытках он не должен выдавать товарищей и нашего великого дела. Тот, кто смалодушничает, будет уничтожен, как злейший враг Советской власти и предатель рабочего класса», — говорилось в присяге.

Подпольщики помогали партизанам, вели агитацию среди колчаковских солдат и местного населения, срывали снабжение вражеской армии. Сражались стойко, умирали молча.

До сих пор помнят горожане историю смерти храброго бойца рабочего Прохорова. Он был выдан провокатором карательному отряду анненковцев, свирепствовавшему в Рубцовке в мае 1919 года. Долго пытали, долго мучили Прохорова. Но он не выдал товарищей. «Прохоров сумел ввести в заблуждение карателей, — вспоминает один из организаторов рубцовского подполья Ф. Т. Устинов. — Он показал, что в Рубцовке существует большая подпольная организация, а вместо ее участников перечислил пособников колчаковской администрации в депо. Всех названных Прохоровым лиц арестовали. Когда обнаружился обман, палачи набросились на Прохорова с новой яростью. Его били до тех пор, пока он не скончался».

Каратели мстили Прохорову даже мертвому. Они не разрешили жене похоронить его. И несколько дней труп валялся на улице, а в отдалении маячила хрупкая женская фигурка с поникшими плечами... Потом рабочие выкрали тело товарища и похоронили за Алем. Но белым удалось найти могилу, и они снова выбросили труп наружу. Рабочие опять вывезли тайком останки товарища и надежно захоронили в прибрежном ивняке. 7 января 1920 года тело бойца было перенесено в братскую могилу на городской площади.

В середине сентября 1919 года к Рубцовке подходил отряд легендарного партизана Ефима Мамонтова. Напуганные колчаковцы установили наблюдение чуть ли не за каждым рабочим депо. Однако подпольщикам удалось сколотить партизанский отряд из железнодорожных рабочих. Отряд помог партизанам Мамонтова захватить Рубцовку.

Но обстановка требовала, чтобы партизаны отошли на другие рубежи. Железнодорожные рабочие последовали за Мамонтовым. По его поручению рабочие вывезли из депо легкие станки, горны и шакавальни, запасы железа, меди, свинца. Все это пригодилось для изготовления оружия. В деревне Солоновке были организованы оружейные мастерские. Рабочие-умельцы лили пули, выжигали порох, готовили гремучую ртуть для капсулей. Из Солоновки было организовано известное наступление на Поселиху, принесшее Мамонтову большую победу.

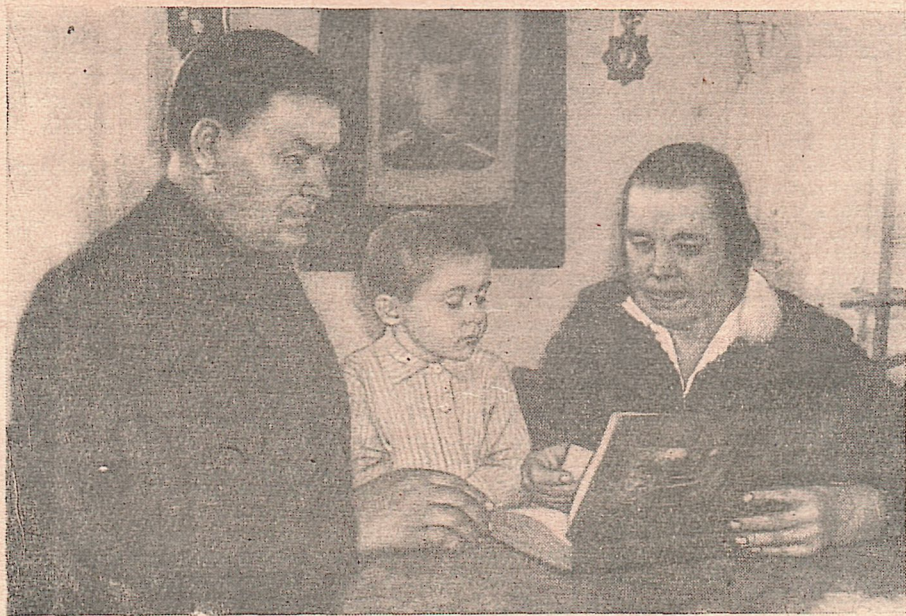
Вплоть до полного изгнания колчаков-

цев из Алтайских степей храбро сражались с врагами железнодорожники Рубцовки. Многие из них живы и сегодня. Это Захар Максимович Долгих, старожил города, Ольга Ивановна Мокроусова, ее муж Дмитрий Николаевич, Федор Тихонович Устинов, Алексей Герасимович Турков, Михаил Никифорович Перевозчиков и другие.

С ноября 1919 года в Рубцовке была восстановлена Советская власть. С этого момента и начался, по существу, рост хозяйства и культуры молодого уездного центра Рубцовки.

Одним из первых значительных мероприятий Советской власти в Рубцовке было восстановление оросительной системы. Ее история весьма любопытна. В 1911 году, близ села Веселый Яр, начали сооружать оросительную систему на средства, собранные в помощь голодающим. За два года прорыли канал длиной в 14,5 км. В августе 1913 года отпраздновали окончание строительства. Был устроен благодарственный молебен с участием архиерея и помощника губернатора и торжественный обед. Пьяные гости решили опробовать систему и пустили воду в канал. Перекрыть воду забыли, и она затопила поля, смыв сотни стогов сена. Крестьяне взбунтовались, сожгли все сооружения системы и засыпали землей часть канала.

Оросительная система была восстановлена в 1925 году. За две недели был прорыт канал между Веселым Яром и Рубцовкой, длиной в тридцать километров. Напор воды в канале поддерживала мельница, конфискованная у кулаков

Старые партизаны Ольга Ивановна и Дмитрий Николаевич Мокроусовы с племянником Сережей.

Фото В. Мартынова.

Гусевых. Позже была построена надежная плотина. На орошенных полях стали широко возделывать сахарную свеклу, разводить сады. Западная часть поселка и ныне носит название «Сад-города».

Облик Рубцовки постепенно менялся. В 1921—1922 гг. была построена небольшая амбулатория и больница на десять коек, в 1925 г. — семилетняя школа, а через год и средняя школа.

В 1927 г. село Рубцовка было преобразовано в город Рубцовск. Началось строительство птицекомбината, мясокомбината и мукомольно-элеваторного комбината

Рубцовск в это время был еще незаметным городишком. Об этом свидетельствует интересный документ — путевые зарисовки А. В. Луначарского «Месяц по Сибири» (Ленинград, изд. «Красная газета», 1929). Он писал:

«Столица этого округа, еще более богатого пшеницей, чем Барнаульский, — бывшее село Рубцовка, ныне город Рубцовск, представляет собою нечто совершенно убогое. Клуб — да и то не свой, а железнодорожный, — довольно тесный и совершенно холодный сарай. Других мест для собраний нет, кроме кинотеатра, представляющего собой какую-то мазанку, покосившуюся и уродливую. Во всем селе, превращенном в окружной город, есть только 2—3 каменных здания, частная аптека, кооперативный магазин да строящийся еще почтамт. Школа находится в чрезвычайно убогом положении. Строить вообще не из чего — бюджет, при огромном богатстве округа, очень невелик. Мечтают о том, чтобы перенести из Змеиногорска педтехникум и поднять таким образом Рубцовск как интеллектуально-культурный центр... Вообще надо бы ведомствам прийти... на помощь Рубцовску и сделать из него нечто действительно похуже на город».

Но в этом «убогом» городишке Луначарский нашел интересных людей. «Отмечу еще необычайно высокое качество ума, политического такта, организаторских умений у здешней местной власти. Товарищи председатели окрисполкомов Барнаула и Рубцовска, оба рабочие-выдвиженцы, крайне порадовали меня великодушным знанием своего края, ясным умом и твердой волей, той большой выносливостью, с которой они в этих глухих углах ведут свою многозначительную и плодотворную, но внешне столь неблагоприятную работу», — писал он.

Мне захотелось пойти по следам этой записи. И вот я сижу в одном из чистеньких домиков Сад-города, на улице Железнодорожной. Напротив меня, опираясь на стол, сидит большой усталый человек. В маленькой комнате он занимает чересчур много места, и это, видимо, стесняет его.

— Не привык я сидеть в четырех стенах... Мне бы сейчас в депо, к людям,

там я при деле... — шумно вздыхает человек. Его крупные, как у молотобойца, руки осторожно поддерживают тяжелую голову с высоким лбом. И я понимаю: мой собеседник болен.

Это — первый председатель Рубцовского окрисполкома Алексей Герасимович Турков. Он принимал тогда, зимой 1928—1929 гг. наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, возил его в широких сибирских розвальнях, показывал город и окрестные села. Это он в те трудные годы «с ясным умом и твердой волей» руководил созданием первых здешних колхозов и первых промышленных предприятий и школ.

— Дел у нас, работников исполкома, тогда было столько, что голова пухла... Народ к нам валом валил. И все с тебя спрашивают: это реши, это дай, кулаков усмири, ребятишек в школу отправляй. А где они тогда были, школы-то... Мало еще было школ, а народ сплошь да рядом неграмотным ходил. Раньше ведь как рассуждали: абы руки. А голова, мол, не обязательно... Теперь все учиться захотели. Ведь к приезду-то Луначарского у нас уже народ добровольно решил: провести самообложение и на эти деньги школы строить. Уж тридцать пять тысяч было собрано. Такое сознание было у людей. В то время все мы неудержимо рвались вперед. Я тогда гордился: дворцы начали строить! Это мы тогда первые каменные здания заложили — театра, госбанка, почтамта, сельскохозяйственного техникума. Сейчас эти здания уже небольшими кажутся, а тогда... тогда все казалось чудом — вся жизнь. — Алексей Герасимович помолчал, взволнованный нахлынувшими воспоминаниями, потом договорил: — Дела было тогда — выше головы. Ни дня, ни ночи не хватало. Мы и не спали, почитай, неделями. Думали, отоспимся потом, под старость... Вот она надвинулась, старость-то, а спать все неохота. Так бы и убежал в депо... Ведь там я и начинал слесаренком, там и с Кулаком воевал, после Отечественной там же приемником министерства работал. Я и сейчас там на партийном учете состою... Да только теперь вот больше дома сижу... — он с горечью умолкает, и в наступившей тишине слышно, как часы неутомимо отсчитывают бег времени. И вдруг в эту грустную паузу врываются звонкие ребячьи голоса. Распахивается дверь...

— Дедушка Турков, мы пришли! — радостно возвещает мальчуган.

Алексей Герасимович выпрямляется, и на лице его появляется смущенное и радостное выражение.

— Это пионеры ко мне захаживают... — торопливо объясняет он и начинает рассаживать юных гостей.

Я прощаюсь с Алексеем Герасимовичем и выхожу на тихую улочку Сад-города. Она дает какое-то представление

о Рубцовске 30-х годов... А там, за железнодорожным полотном, лежит совершенно иной город — молодой социалистический Рубцовск. Как не похож он на «нечто совершенно убогое», увиденное здесь Луначарским тридцать лет назад!

Бесшумно скользят по асфальту улиц разноцветные автомобили. Главный маршрут автобусов от Алтайского тракторного до Алтайсельмаша — через весь город. От завода-гиганта сибирского тракторостроения начинается массив однотипных двух-трехэтажных жилых домов. Они просты и удобны, воздух над ними чист — поселок теплофицирован, в домах не жгут угля. Квартал за кварталом тянутся уютные белые дома. Но вот слева в этот типичный пейзаж заводского поселка внезапно вписывается легкая ажурная мачта телецентра. В городе алтайских тракторостроителей телевизор стал неотъемлемой чертой быта людей.

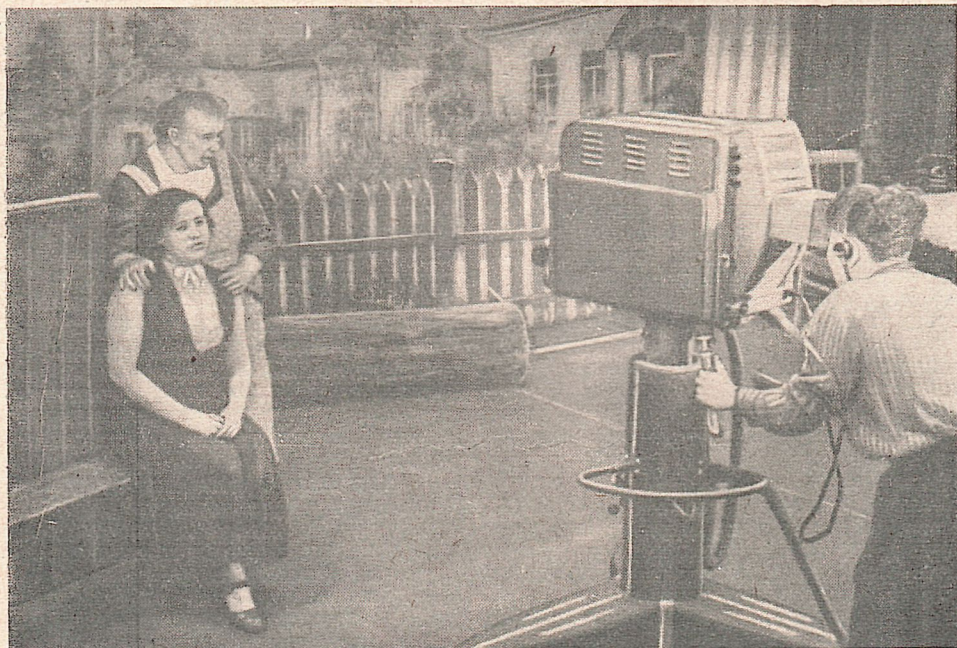
Зайдем ненадолго в студию. Здесь кипит работа. В съемочном зале устанавливают декорации, рассаживаются артисты, суетятся кинооператоры. Вот вот начнется съемка сцен из нового спектакля местного драматического театра. В другой комнате, напротив, тишина. Молодой редактор студии, сосредоточенно устремив взор в окно, подбирает самые точные, самые убедительные слова для своей информации. Вчера он побывал на веселой комсомольской свадьбе, запаса кийкой фотографий. Надо рассказать об этой свадьбе телезри-

телям, да так, чтобы всем захотелось пуститься в пляс...

Закроем тихонько дверь, не будем мешать, ведь тысячи горожан сегодня вечером захотят увидеть интересную, содержательную передачу из телестудии.

За телецентром картина улиц постепенно меняется. Однотипные дома уступают место красивым многоэтажным зданиям. На пересечении автомагистралей — площадь имени Калинина. Машины пробегают мимо больших магазинов — «Универмаг», «Гастроном», «Детский мир», «Бакалея», «Хлеб»... — делают крутой поворот и вдруг вырываются на огромную площадь. Это площадь имени Ленина, она окружена самыми красивыми, самыми высокими зданиями города, которые могут украсить и любую столицу. В одном из них помещается комфортабельная гостиница «Алей». Здесь можно встретить командировочных буквально со всех концов страны — рубцовские заводы широко известны всюду. Здесь же останавливаются обычно и иностранные гости, например, в гостинице отдыхал индийский премьер Джавахарлал Неру с дочерью Индирой Ганди.

С площади открывается прекрасный вид: прямая, как стрела, автомагистраль, а слева высокие белые колонны. Это новая поликлиника, рассчитанная на современное обслуживание сотен посетителей. Кстати, в городе полторы тысячи медицинских работников, тогда как в 1931 году их было всего тринадцать.

В студии телевидения ведутся съемки сцен из спектакля.

Фото В. Мартынова.

Не доходя поликлиники, новый и, пожалуй, самый комфортабельный магазин города. Его прилавки одеты в дорогое стекло. Всюду полированное дерево, метлахская плитка, никель. Но главное богатство «Гастронома» отнюдь не в этом. На высоких витринах подлинное разнообразие продуктов. В молочном отделе не переводится сливочное масло, молоко, сыр, творог, сметана, кефир. В гастрономическом — различные сорта колбас, ветчины и вин. В бакалейном — крупы, варенье, компоты. Вот уж без преувеличения — что угодно для души.

— Видать, что вы не здешняя! Ишь как залобовались... — вдруг слышу я за спиной. Оборачиваюсь. Смуглое девичье личико, смешливые глаза.

— Я и сама сначала не могла нахвалиться рубцовскими магазинами, главное, здесь всегда есть мои любимые ленинградские конфеты. По-моему, они самые вкусные...

— Почему же «сначала», а теперь?

— Теперь... — девушка засмеялась и, обведя руками вокруг себя, сказала: — Обед вы сварите, какой душе угодно, а вот из чего есть будете? Во всем городе не найдете тарелки!

— Позвольте, но ведь у вас, не в пример областным центрам и столице, легко можно купить пианино, телевизор, холодильник!

— А тарелки вы не купите, — убежденно сказала девушка. — И стульев тоже. Мы уж полгода здесь живем, а до сих пор сидим на чеходах.

Я только что радовалась отличной постановке торговли в городе Рубцовске. И мне очень хотелось, чтобы девушка оказалась права. Ведь бывает же — человек брюзжит потому, что все не либо ему в чужом краю. Увы, в следующие дни мне представилась возможность убедиться в полной объективности моей случайной собеседницы. И магазин «Мебель», и отделы хозяйственных товаров, увы, мало радуют жителей Рубцовска.

Но вернемся к рассказу о городе. За «Гастрономом» тянутся кварталы новых, благоустроенных зданий. А дальше — стрелы башенных кранов, строительные леса. Городок тракторного завода быстро продвигается к югу, наступая на старый деревянный центр. Здесь и стоят те здания, что закладывались во время председательства Алексея Герасимовича Туркова, — почтамт, больница (теперь учреждение), театр. Здесь же большой сквер, возделанный еще руками комсомольцев 30-х годов.

Летом в этом сквере, точно так же, как в вузовских городах, тихо сидят на скамейках девушки и юноши с книгами на коленях. Да, в Рубцовске очень много учащейся молодежи. Причем учится, главным образом, рабочая молодежь. Сотни молодых производственников здесь получают аттестаты зрелости, среднее техническое образование, а за-

тем и выше. На заводах здесь есть цехи, где более половины рабочих имеют среднее образование. Огромное большинство здешних инженеров — вчерашние рабочие.

Самые лучшие, самые просторные здания в Рубцовске отданы учащейся молодежи.

Вообще в городе около 30 школ, и все они, как дневные, так и вечерние, имеют отдельные, просторные помещения. Четырехэтажным зданием располагает вечерний филиал Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения. Есть в Рубцовске машиностроительный и сельскохозяйственный техникумы, педагогическое, медицинское и музыкальное училища, два технических училища и музыкальная школа с отделением для взрослых.

Любовь к книге очень часто сочетается в человеке с любовью к театру. В Рубцовске это проследить не трудно. Вон видите, возле театральной афиши толпятся юноши и девушки с тетрадями и книгами в руках? Сегодня у них свободный от лекций вечер, и они решили пойти в театр, на спектакль «Потерянная родина» (инсценировку по роману В. Ладиса). Если и мы с тобой, дорогой читатель, последуем их примеру, то отнюдь не пожалеем о потерянном времени. Отлично выполненные декорации перенесут нас на далекий остров, затерянный в море, и мы увидим, как живут, как трудятся, как любят, как борются за свою свободу жители этого своеобразного мирка, которого долгие годы не касались события, разворачивающиеся в «большом мире». Спектакль взволнованный, искренний. Ведь не случайно зал так чутко реагирует на каждую реплику артистов, не случайно девушки прижимают платки к глазам. Вместе с артистами зрители любят, страдают, ненавидят, радуются...

Молодость в зале и молодость на сцене, искреннее молодое увлечение спектаклем самих артистов, — только при этом условии возможно такое тесное общение театра со зрителем. Рубцовский драматический театр служит прекрасным тому доказательством. И главный режиссер театра Б. А. Вахрушев, и артисты работают энергично, с творческим огоньком, и на сцене театра не остается места равнодушию и скуке. Спектакли поставлены на хорошем профессиональном уровне. И зрители ценят это, зал театра никогда не пустует. Выражаясь языком театральной администрации, «театр выполняет план».

Знание театра является, пожалуй, самым значительным в центре города. Если мы продолжим свое путешествие, то заметим, что и с юга старый центр настойчиво теснит «окраина» — высокие здания второго крупного завода города — Алтайсельмаша.

Облик поселка Алтайсельмаша, в основном, таков же, как и облик поселка

тракторного. Но кое-чем сельмашевцы гордятся перед тракторостроителями. Прежде всего, новым Домом культуры. Он одинаково наряден со всех сторон, так что сразу даже не определишь, где его фасад. С одной стороны высокие квадратные колонны поддерживают легкую арку крыши. С другой — полукруглый портик с балконами окружает тоже полукруглую застекленную нишу. Такая архитектура как нельзя более соответствует расположению Дома культуры, который одинаково хорошо виден со всех сторон. Внутри его очень уютно. Полукруглое фойе с застекленными стенами, просторный зрительный зал, комнаты для занятий, спортивный и лекционный залы — все выполнено со вкусом. В Доме культуры есть свои самостоятельные оркестры, хоровой и танцевальный коллективы.

У сельмашевцев же, пожалуй, самая лучшая школа рабочей молодежи. Учительский коллектив этой школы поддерживает тесную связь с заводом. В цехе нередко можно увидеть учительницу, договаривающуюся с начальником цеха о переводе ее ученика в другую смену или беседующую с рабочим у станка. В школе хорошо оборудован физический кабинет, спортивный зал.

Многое можно рассказывать о достопримечательностях Рубцовска, но, несомненно, главное его богатство — это заводы. И снова хочется обратиться к выразительным очеркам Луначарского 1929 года: «...Алтай не хочет развиваться только как хлебная житница. Алтаю хочется индустриализироваться. Он крепко подумывает о том, чтобы где-нибудь, как можно ближе к нему, а если возможно, то прямо у него, построен был бы большой сельмаш».

Ныне Рубцовск — центр сибирского тракторостроения. В годы Великой Отечественной войны сюда был перебазирован Харьковский тракторный завод. И тотчас на помощь харьковчанам пришла молодежь из окрестных алтайских городов и сел. В неприкосновенных помещениях зернохранилищ в неурочный короткий срок коллектив смонтировал станки и машины. Через четыре месяца с момента прибытия первого эшелона рабочие уже собрали первый трактор марки АТЗ. Это было 24 августа 1942 года. В годы войны Алтайский тракторный был единственным заводом страны, выпускавшим тракторы. В день Победы, 9 мая 1945 года, коллектив выдал 100000-й трактор марки АТЗ.

Вот он, гигант сибирского тракторостроения. Это целый городок с аллеями тополей и газонами, с многоэтажными корпусами, с автомобильными и железнодорожными магистралями. Из цеха в цех здесь нередко ездят на машинах, — ведь чтобы пройти завод из конца в конец, требуется час-полтора, а то и больше.

За высокими сводами цехов рождает-

ся сибирский трактор. В первые годы существования завода это был керосиновый НАТИ. Тот самый «Натик», что вызывает теперь снисходительную улыбку трактористов. Но эта улыбка не вызывает нашего сочувствия, нет! Добрый старый НАТИ, он сослужил верную службу стране и в годы пятилеток, и в годы Отечественной войны. Право же, этой непритязательной машине стоит поставить вечный памятник славы!

Выпуск первых керосиновых НАТИ на алтайской земле стоил заводу невероятного труда, — машины выпускались одновременно с монтажом цехов. Но уже в то трудное время инженерный коллектив завода создавал в чертежах трактор нового типа — дизельный ДТ-54. Да, именно Рубцовск является родиной этой широко известной машины. Наряду с выпуском основной продукции на протяжении почти всех военных лет цехи завода изготовляли опытные образцы нового трактора.

Это были годы больших творческих исканий. Люди узнали и горечь временных неудач, и радость побед. Рвались гильзы двигателя нового трактора, не годились поршневые пальцы... Да разве перечислишь все неурядицы тех лет. Все это осталось позади. Кто на заводе не помнит радостную встречу нового, 1945 года! В эту новогоднюю ночь конструкторы и рабочие собрали первый дизельный трактор! Через пять лет Сталинградский тракторный завод освоил массовый выпуск этой машины. А с июня 1952 года трактор стали производить и на его родине, на Алтайском заводе.

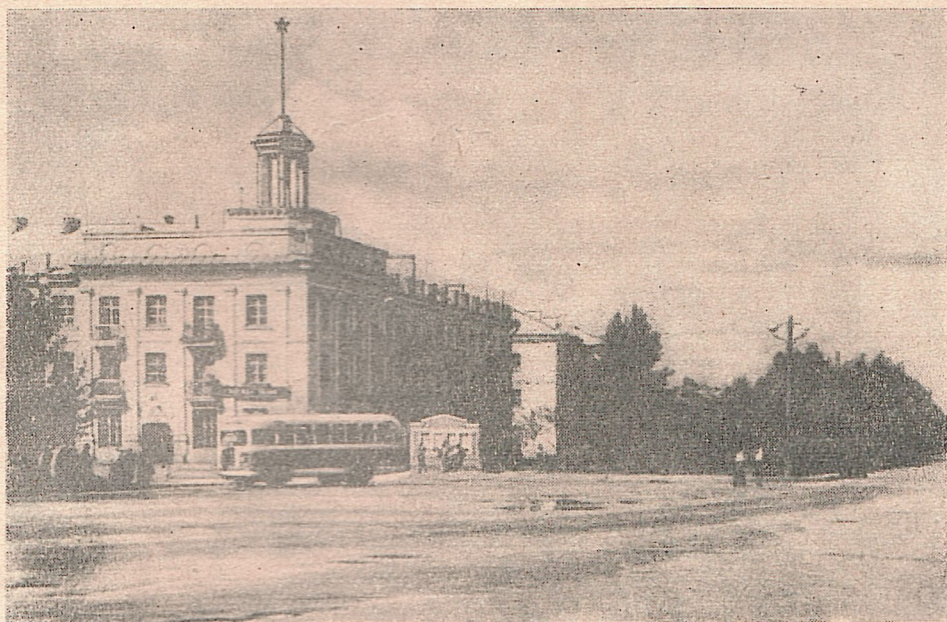
Сегодня на этом заводе вновь рождается машина, будущее которой уже predetermined семилетним планом тракторостроения. Через год-два она заменит дизельный трактор ДТ-54.

В декабре этого года в опытном цехе завода можно было наблюдать такую картину. Вокруг одного из тракторов суетились люди. Молодой смуглолицый человек в очках укладывал в кабину какие-то папки и бумажные свертки. В это время рабочие уже обшивали трактор тесом. В деревянные ящики укладывались какие-то детали. Это конструктор Октябрь, механик Садычко, трактористы Капустин и Марченко собирались в Среднюю Азию для испытаний нового трактора Т-4. У них солидный багаж: трактор, запасные части и материалы для ремонта машины.

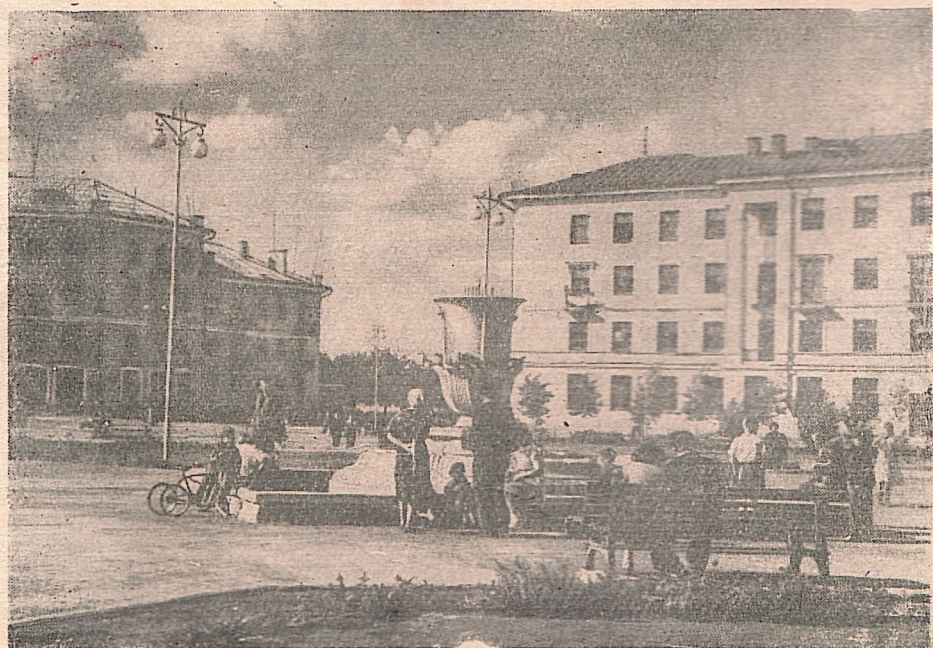
— Ничего не забыли? — волновался старый механик цеха Иван Кондратьевич Смотриченко. Десять лет назад он вот так же собирал на испытания трактор ДТ-54. Честно послужил людям этот работник! Подошла пора и ему уступить дорогу молодому, более сильному.

С начала войны построен в Рубцовске и завод сельскохозяйственного машиностроения — Алтайсельмаш. Он выпускает различные тракторные плуги, в том

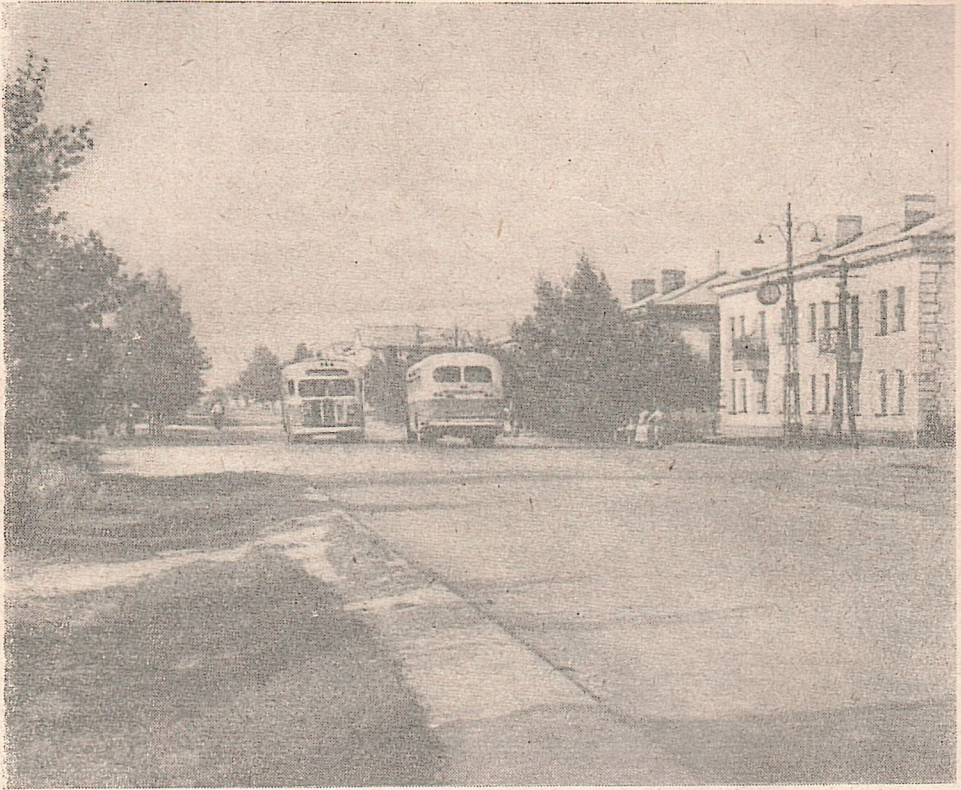

Площадь имени Калинина. Фото В. Мартынова.

На площади имени Ленина. Фото В. Мартынова.

Автомост в поселке Алтайсельмаша.

Фото И. Сапелина.

числе пятикорпусный модернизированный и мальцевский.

Третье крупное предприятие города — завод тракторного электрооборудования — обеспечивает АТЗ магнето, генераторами тока для всех видов тракторов.

Немало технических новинок внесено производственниками города в отечественное и мировое тракторостроение. Вот гордость Алтайсельмаша — цех автолиний. В огромном помещении машины тянутся сплошными рядами, люди же встречаются редко. Причем с первого взгляда трудно определить, чем они заняты. Скорей всего, ничем: просто сидят или стоят возле линий. Как не похожа их работа на ту, что мы привыкли видеть в цехе!

— Я радуюсь, когда вижу это «ничего неделанье», — улыбается начальник цеха Ю. О. Соломонов. — Значит, линии работают исправно.

И специальности здешних рабочих именуются не обычно для завода такого профиля — операторы, наладчики. Заготовщиками же, зенковальщиками, шлифовщиками, нагревальщиками, наконец, сборщиками — являются сами механизмы. Дело людей — наблюдать за их исправностью. Но чтобы выполнять это столь простое, на первый

взгляд, дело, нужно обладать большими познаниями. Не случайно уровень образования рабочих в этом цехе намного выше, чем в других цехах завода. Почти все рабочие здесь имеют среднее или среднее техническое образование, многие учатся в техникуме и институте.

Интересен сам процесс автоматического производства лемеха. Он начинается так. Рабочий подает полосу проката под прессы. Они автоматически включаются, и через мгновение от полосы отрезан и вырублен по контуру кусок металла. Одновременно в нем пробиты три отверстия и поставлено клеймо. Эта заготовка, напоминающая готовый лемех, движется по автолинии. Транспортёры и механические руки передают ее от одного механизма другому. И каждая машина выполняет свою операцию — зенкует (рассверливает отверстия), шлифует, заточивает лезвие, закаливает его.

В завершение цикла металлические руки собирают лемеха пачками по пять штук, увязывают, покрывают антикоррозийным раствором, подают на сушку. Готовая пачка лемехов сходит с конвейера.

Пущенная четыре года назад, автоматическая линия явилась первой в мире автоматической линией по производству

лемехов. Через год в цехе была сконструирована вторая такая же линия. Недавно оборудована третья, уже для изготовления отвалов.

Освобожденные от физического труда, рабочие цеха непрерывно экспериментируют, упрощают и усовершенствуют автоматический процесс. Ни в каком другом цехе завода не увидишь такого увлечения изобретательством, как в этом! Поговорите с любым наладчиком, с любым оператором, и вы почувствуете, как прочно поселился в их сердцах тот огонек творческого беспокойства, что будит среди ночи, что заставляет бежать в цех, забыв о выходном дне.

И вот результаты поисков рационализаторов. Убрали один транспортер, объединив два участка — весь цикл стал несколько короче. Эта полусось когда-то закалялась в печах. За сутки тогда получали всего 200 полуосей. Это сдерживало всю работу цеха. Тогда инженеры и рабочие сконструировали полуавтомат для закалки полуосей токами высокой частоты. Теперь за сутки закаливают 2000 полуосей.

А электрик цеха, студент пятого курса техникума, Александр Житков пошел еще дальше. Он предложил закаливать токами высокой частоты и полевою доску. С помощью начальника цеха разработал для этого приспособление.

Таких примеров в цехе немало.

За четыре года работы производительность линии увеличилась на двадцать процентов.

Не только в Сибири, но и в других районах страны бороздят поля трактора, сделанные в Рубцовске. Больше того, алтайские машины хорошо известны во многих странах народной демократии, в Китае. Гордостью за родной город проникнуты строки стихотворения, написанного рабочим Алтайского тракторного В. Вяловым:

На просторах всей большой планеты,
Даже там, где холод и жара,
У Игарки и в Ханое где-то —
Всюду ходят наши трактора.

* * *

Заканчивая этот краткий рассказ о городе Рубцовске, не могу не упомянуть об одной встрече. В отделе главного технолога Алтайского тракторного завода на Доске почета я увидела фотографию с надписью: «В. П. Рубцов». С портрета на меня смотрели мягкие темные глаза молодого человека. Такие глаза могут быть только карими. Кареглазым был и волжанин Михаил Рубцов. А что, если это не простое совпадение фамилий? С другой стороны, мне рассказывали, что в городе нет потомков Михаила Рубцова. Его единственная дочь, принявшая фамилию мужа, давно уже затерялась где-то в пестром людском потоке. Все же я решила познакомиться с молодым человеком.

Через несколько минут технолог Виталий Прокопьевич Рубцов с увлечением рассказывал мне о своей работе.

— Вы конечно, знаете, что наш завод выпускает трактор ДТ-54? Это основная в нашем сельском хозяйстве машина. В новом семилетии ее заменит более мощная машина. Представляете, она будет обладать силой тяги в четыре тонны! Этаким тракторище будет пахать куда быстрее нашего теперешнего трактора. Так вот, мы с товарищами сейчас проектируем технологию на трактор Т-4. Это страшно интересная машина...

Темные глаза Виталия блестят, его лицо оживлено. Видно, что он очень любит свою работу. Я расспрашиваю о его жизни, и он охотно рассказывает: окончил семилетку во время войны, пошел на завод, потом в армию, в 1945 участвовал в окружении Берлина, потом воевал с японцами. В 1951 году вернулся на завод, заочно окончил десятилетку, сейчас на четвертом курсе вечернего института.

Боясь сплунуть доверчивость моего собеседника, осторожно спрашиваю, не слышал ли он об основателе города Михаиле Алексеевиче Рубцове?

— Значит, я интересую вас, как потомок знаменитости! — смеется Виталий Рубцов. — Должен, однако, вас разочаровать: я весьма дальний родственник знаменитого Рубцова, правнук его брата.

Виталий Прокопьевич рассказывает о том, что его прадед, родной брат Михаила Рубцова, так и не решился тронуться в Сибирь из родных мест и умер в нужде и горе. Там же, на Саратовщине, умер и дед Виталия. И лишь отец его, Прокопий Иванович Рубцов, осуществил мечту стариков и в начале 20-х годов переехал с Волги на Алтай, в «родовое имение» Рубцовых. Здесь и родился Виталий.

Прадед и дед Виталия были неграмотны. Отец его с трудом разбирал газеты, а мать не умела даже расписаться.

Молодые Рубцовы совершенно другие люди. Брат Виталия Георгий Прокопьевич окончил машиностроительный техникум. Он — старший инженер-планировщик на Алтайсельмаше. Старшая сестра Нина Прокопьевна заочно окончила Семипалатинский педагогический институт и работает в телецентре. Младшая сестра Лидия окончила педучилище. Она трудится воспитательницей в детском саду.

Родители и дети. Как не похожи их судьбы! Вместе с новым Рубцовском выросли новые, красивые люди.

* * *

...Таеж в лазурном небе легкая мачта телецентра, стремительно отступают назад белые здания поселка тракторостроителей, не нарушая строя, быстро пятят-

ся зеленые тополя, задорно взмахивает вслед поезду босоногая девчонка, пасущая козу на лужке возле дома. Город остается позади. И тотчас в открытые окна вагона врывается свежий ветерок степи. Куда ни кинешь взгляд, всюду седое ковыльное море. Да, красив степной Алтай!

Вон далеко-далеко заволкло степь легкое серое облако. Это неторопливо бредет стадо алтайских мериносов. Порода эта выведена от кавказской породы знаменитых рамбулье.

Поезд проскочил какой-то полустанок,

и коренастые яблоньки прощально покачали вслед ему своими тонкими руками. Яблоньки эти перекочевали в алтайскую Кулунду откуда-то с Поволжья. И жаворонок, что висит над степью, встречался вам где-то в тех же краях...

Но вот расступилось ковыльное море, и широко разлилась свежая зелень пшеничных всходов. Это — пышная нива целины, бессмертное деяние рук советского человека. Здесь, в этой ниве, и труд людей того города, что подобно сказочному замку встал вдруг среди вековой степи.